

А. И. Вакулинская

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ,
МОСКВА, РОССИЯ

Разумная вера и верующий разум. Православие и творчество Ивана Ильина

*Посвящается памяти моего отца И. М. Вакулинского
(15.05.1965 — 16.07.2022)*

Аннотация. В данной статье сквозь призму творческой биографии Ивана Александровича Ильина раскрывается его подход к философии религии, православию и Церкви. Элементом новизны данного обзора является дополнение уже существующих материалов сведениями из архива мыслителя, воспоминаний и писем, касающихся вопросов религии, использование святоотеческого предания в философской концепции мыслителя. Также в качестве новизны исследования можно указать на сосредоточенность автора на вопросе понимания философом роли и значимости православия. Основные вехи биографии рассматриваются сквозь призму работ Ивана Александровича, раскрывающих эволюцию его мысли. Делается акцент на причинах размежевания Ильина с представителями нового религиозного сознания. Особое внимание уделено связи философа с представителями РПЦЗ, участию в христианских кружках и собраниях. Акцент делается на связи социально-политических воззрений мыслителя касательно будущего России и православия, его значимости для построения здоровой государственности. На примере философии религии раскрывается метод философа и роль разума в процессе богопознания. Православное вероучение

оказало значительное влияние на мысль философа. Хотя принято считать, что в московский период творчества Ильин не был верующим, а подходил к мировоззренческим вопросам исключительно с позиций чистого разума, демонстрируются факты, говорящие об обратном. Гегелевский подход к человеку, Богу не стал ключевым для Ивана Александровича, который хотя и был вдохновлён немецкой философией, но в поисках метода философии, через размышления о Сократе, обратился к наследию святых отцов. Возможность обновления духовной культуры, находящейся в глубоком кризисе, мыслитель видел в верном построении религиозного опыта, основанного на смирении и цельности познания.

Ключевые слова: метод, религиозный опыт, РПЦЗ, христианство, сердце, разум.

Для цитирования: Вакулинская А. И. Разумная вера и верующий разум. Православие и творчество Ивана Ильина // Ортодоксия. — 2021. — № 4. — С. 212-237. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-212-237

Иван Александрович Ильин на сегодняшний день достаточно известный философ в России, как правило, не нуждающийся в представлении. Имя и цитаты из работ мыслителя зачастую звучат с высоких трибун из уст первых лиц нашего государства. Труды Ивана Александровича, посвящённые возрождению России, были своего рода бестселлером начала постсоветского периода. Продолжают они пользоваться интеллектуальным спросом и сегодня. Однако такая известность мыслителя ещё не является свидетельством о должном уровне изученности его философской концепции. Социально-политические работы, конечно, являются ценным вкладом Ильина, но не представляют собой единственную лепту, привнесённую философом в сокровищницу русской мысли. На периферию исследовательского поля, за редкими исключениями, вынесены такие вопросы, как метод философии, философская сущность права, философия религии. В историографии русской философии практически не упоминается о значении Ильина для отечественной религиозно-философской мысли. Практически нет трудов, в которых бы раскрывалась сама религиозно-философская концепция мыслителя¹. В данной работе мы поста-

¹ Наверное, до сих пор лучшим пониманием философии религии И. А. Ильина остаётся работа немецкого теолога В. Офферманса. См.: (Offermanns 1979).

раемся исправить это упущение и произведём попытку реконструкции философского подхода к религии в творчестве Ивана Ильина. Безусловно, в рамках одной статьи выполнить поставленную задачу не представляется возможным, в силу чего мы остановимся лишь на самых значимых моментах биографии и трудах мыслителя, позволяющих лучше понять его философский метод².

Творческий путь как путь к богопознанию

Иван Александрович Ильин родился 9 апреля (28 марта по ст. ст.) 1883 г., при крещении он был наречён в честь славного и честного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна³. Наверное, уже сам факт наличия такого небесного покровителя во многом предопределил творческий путь будущего мыслителя, впоследствии указывавшего на аскезу как основное средство, предостерегающее философа и всякого ищущего истины от психологического субъективизма душевно-духовного опыта⁴.

Отец будущего философа, губернский секретарь, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты, Александр Иванович Ильин был сыном коменданта Большого Кремлёвского дворца. Стоит отметить, что Александр Иванович являлся крестником самого императора Александра II. По всей видимости, он был человеком весьма религиозным, но при этом интересовался распространённым на тот момент среди интеллигенции толстовским учением⁵. Мать философа, Каролина Луиза Швейкерт, дочь немецкого медика, переселившегося в Россию, при вступлении в брак перешла в православие с именем Екатерина. Как многие немецкие женщины, коих в истории России было не так уж мало, мать будущего философа благоговейно восприняла свою принадлежность к Русской Православной Церкви. Известно, что в пореволюционные годы Екатерина

² Данная статья может служить дополнением к уже существующей работе Н. П. Полторацкого. Подробнее см.: (Полторацкий 2001: 258–311).

³ О данном факте упоминает И. С. Шмелёв. Подробнее см.: (Ильин 2000 «Переписка двух Иванов» (1927–1934): 198).

⁴ Именно сфера душевно-духовного, или нечувственного, опыта представляет собой исследовательское поле философии в отличие от естественных наук, которые занимаются исключительно эмпирическими явлениями.

⁵ В биографическом очерке Ивана Ильина исследователь В. А. Томсинов упоминает, что Александр Иванович увлекался толстовским учением. Подробнее см.: (Томсинов 2012).

Юльевна посещала богослужения отца Валентина (Свенцицкого) и помогала распространять записи его бесед и проповедей, в том числе о монастыре в миру⁶.

Духовной близости с отцом, который изначально не давал разрешения на поступление на историко-филологический факультет, у Ивана не было. Можно предположить, что Александр Иванович испытывал даже некоторое разочарование в своём среднем сыне, о котором ходило много недоброжелательных слухов в интеллигентской среде (особенно в годы начала преподавания в Московском императорском университете⁷). А вот мать как никто другой понимала душевную организацию Вани.

Иван Александрович всегда был достаточно сдержан в проявлении своих сыновних (и не только) чувств и редко с кем мог поговорить «по душам». Но это вовсе не является свидетельством душевной чуждости философа, а скорее говорит о сложности и своеобразии его характера. Зачастую конфликты, инициатором которых на собраниях «богоискателей» мог быть сам Ильин, были связаны с отстаиванием попираемой истины, за чистоту которой, по его мнению, и должен бороться философ.

Забегая вперёд, укажем, что в 1921 г. доклад под названием «Религиозный смысл искренности», представляющий собой одну из глав будущего труда «Аксиомы религиозного опыта», философ прочтёт в здании Московского Психологического общества; можно считать, что негласно он был посвящён памяти отца. В письме к тётё Л. И. Гуревич, урождённой Ильиной, мыслитель писал: «В сороковой день, вечером, я читал доклад в Психологическом Обществе “Религиозный смысл искренности”. Это — третья глава из книги — “Философия религии”. Кризис наш — не только наш; это мировой кризис религиозности. Живое, жизне-строительное отношение к божественному заглохло, замерло в народах. Это кризис христианства (не учения Христа, а того, что из него

⁶ О том, что мать Ивана Ильина в 1920-х гг. была духовной дочерью, собирала и хранила сочинения о. Валентина, упоминает исследователь творчества Свенцицкого С. В. Чертков, однако его намёки на заимствования Ильиным философских идей у о. Валентина как минимум слабо аргументированы. Однако стоит отметить, что сравнение работ, проведённое упомянутым автором, лишь подтверждает наш последующий тезис о том, что Иван Александрович не позволял себе вольных искажений христианского учения в своих работах и всецело оставался внутри «церковной ограды». Подробнее см.: (Чертков 2010).

⁷ Среди московской интеллигенции Иван Ильин имел репутацию неуживчивого и вспыльчивого молодого человека. К тому же в 1911 г. в Московском императорском университете возникли конфликт, вошедший в историю под названием «дело Кассо», и неприятная история с Б. А. Кистяковским, после которой Ильин был в ссоре со своим научным руководителем П. И. Новгородцевым. Подробнее см.: (Томсинов 2012); (Маслин 2018).

сделали два тысячелетия). Я пытаюсь восстановить глубокую, цельную, кристаллическую и в то же время страстную природу религии; показываю, что религия не обряд, не догма, не конфессия... Это не реформа “понятия” религии; а первый камень новой религиозной реформации; не той реформации, которая позволяет самим “читать Библию”, но той, которая зовёт к дерзавшему и радостному новому Бого-увидению. Наши дни ставят человека на распутьи: или в бесстыдную пошлую жадность через ложь и насилие; или к новому Бого-узрению, через очищение, тоску по божественному и любовь. Период лицемерного христианства, гуманных слов и жадных дел, приличной лжи и нецельной религиозности — идёт к концу» (Ильин 1999 «Дневник. Письма. Документы (1903–1938)»: 98). Именно о выступлениях мыслителя после большевистской революции издатель его труда о Гегеле Г. А. Леман-Абрикосов упоминал: «То, что он нашёл и к чему призывал, он твёрдо называл “реформацией”, однако отнюдь не связывая это с историческим лютеранством. Ильин просто полагал, что церковь как бы изживает себя, неспособна удовлетворить нынешние потребности в области религиозной и что нужно как-то обновить её, внести какой-то новый дух в её жизнь, сделать её вновь жизнеспособной. Он что-то писал в этом направлении, выступал с докладами, организовывал семинары в частных домах; я неоднократно на них бывал... Он упорно подчёркивал, и это, по-видимому, было одним из его основных тезисов, что “моя вера — это не твоя вера, а твоя вера — это не моя вера”, всячески подчёркивал этот чисто личный элемент религиозных переживаний» (Леман 2010: 605).

Эти цитаты показывают, что ранний Ильин был подвержен общим интеллигентским настроениям того времени, определявшимся дискурсами «революции» и «реформации», интерпретируемыми на разные лады. Кто-то видел причины краха в слабости, отсталости царской власти, кто-то продолжал обвинять Церковь. Революционные события способствовали тому, что вопросы религии, религиозности, духовной культуры стали ключевыми для дискурса интеллигенции. Те, кто не были политически вовлечены в построение нового мира, предпринимали попытки переосмысления старого, с выявлением причин, приведших к духовному кризису, апогеем которого в России стали революции 1917 г. Уже в те годы намечалось серьёзное идеологическое расхождение между Ильиным и теми известными фигурами, которые грезили о либеральной модернизации Церкви с экуменическими мотивами, — Н. А. Бер-

дьяевым, А. Д. Оболенским и Ф. А. Степуном. По воспоминаниям Лемана-Абрикосова, они вели с Ильиным ожесточённые споры (обвиняя его в «неверии», «недальновидности», «узости мысли»).

Помимо Ивана в семье было ещё четверо мальчиков, но искренняя дружба у будущего мыслителя сложилась со старшим на год братом Александром, с которым они вместе проходили курс обучения сначала в 5-й, а затем 1-й московских гимназиях. Впоследствии Саша эмигрировал из России в США, и связь с ним была утрачена. Самый старший в семье брат Алексей, получивший образование на юридическом факультете университета, в годы Русской революции 1905–1907 гг. примыкал к эсерам, по его поручению Иван даже хранил в коридоре съёмной квартиры бомбы. При этом мыслитель, на тот момент будучи уже студентом юридического факультета Московского императорского университета, также был причастен к революционным брожениям молодёжи 1904–1905 гг., правда в менее радикальной форме, но впоследствии ушёл от этого увлечения, основательно засеав за «отвлечённую науку». Проблемы со здоровьем, которые сопровождали Ивана Александровича с юности, способствовали тому, что с первых курсов обучения на юридическом факультете молодой мыслитель сместил свой научный интерес с изучения истории русской фабрики (набирающая популярность тема среди молодёжи, вдохновлённой марксизмом и социализмом) на изучение проблем идеалистической философии. Можно добавить, что данной трансформации, по всей видимости, способствовала харизма Павла Ивановича Новгородцева, главы школы возрождённого естественного права, на тот момент преподававшего курс энциклопедии права и на несколько лет ставшего научным руководителем Ивана Ильина. Хотя Павел Иванович лишь к концу жизни обратился непосредственно к православию как идейному источнику своих трудов, однако его школа была оазисом идеализма (соседствующего с христианской мыслью), на тот момент поносимого со стороны марксизма и революционно-социалистических учений.

По окончании курса учёбы Иван Александрович женился на Наталье Николаевне Вокач, обретя в своей супруге ближайшего друга и единомышленницу на всю оставшуюся жизнь. В этот период философа можно охарактеризовать как «дитя времени»: в его дневнике за 1905 г. можно найти стихи, написанные в духе символизма, в письмах к кузине он делится недоумениями по поводу запрета Церковью книги Ренана, а таинство венчания воспринималось им как «ненужная обрядовость»;

мистический романтизм — вот взгляды совсем юного И. А. Ильина. Кузина Наталья Николаевна Ильиной (Вокач), поэтесса и переводчик Евгения Герцык, следующим образом описывает быт первых дней совместной жизни молодых супругов: «Молодая чета жила на гроши, зарабатываемые переводом: ни он, ни она не хотели жертвовать временем, которое целиком отдавали философии. Оковали себя железной аскезой — всё строго расчислено, вплоть до того, сколько двугривенных можно в месяц потратить на извозчика; концерты, театр под запретом, а Ильин страстно любил музыку и Художественный театр. Квартирка — две маленькие комнаты — блистала чистотой — заслуга Натальи, жены...» (Герцык 1996: 153–154). Всё было отдано на алтарь науки и искусства. В этот период направление философских поисков Ивана Александровича, даже несмотря на то что молодые супруги посещали собрания московских богоискателей, не затрагивало популярные тогда ницшеанские и мистико-религиозные учения.

По ходатайству Евгения Николаевича Трубецкого И. А. Ильин был оставлен на кафедре энциклопедии права и истории философии права для подготовки к профессорскому званию. Вместе с супругой философ, уже заявивший о себе в научной среде как о даровитом молодом человеке, отправился по представлению университета в научную командировку в Европу, в которой он познакомился с новейшими философскими течениями и школами. Именно в этот период Ильин решил вопрос о методологической форме изложения своей диссертации, посвящённой столпу немецкого идеализма Г. В. Ф. Гегелю, обратившись к творческому осмыслению феноменологического подхода раннего Э. Гуссерля. Интерес к Гегелю, который к началу XX в. сходил на нет в России, у Ильина появился после прочтения «Феноменологии Духа». Об этом впоследствии философ напишет в предисловии к немецкому изданию своего труда: «Я скоро почувствовал огромный глубокий смысл, честные усилия в поисках истины и ясности, богатство воззрений на духовную жизнь и на историю человечества... и, кроме того, каждое мгновение — разрыв между тем, что думал Гегель, и тем, что понимал я. Вскоре я понял, что дело в совершенно своеобразном акте опыта в созерцании и мышлении, и мне надо внутренне его приобрести» (Ильин 2002 «Философия Гегеля...»: 404). Ниже мы ещё остановимся на данном вопросе поподробней.

По возвращении же из научной командировки в Москву философ прочитал два самостоятельных учебных курса «Введение в философию»

и «Введение в философию права», в рамках которых уделил внимание таким понятиям, как душа и дух.

Несмотря на сильное влияние немецкой философии, мыслитель шёл к собственному определению понятия «дух» в достаточно приближенной к христианскому пониманию трактовке: «Дух — это, прежде всего, душа, когда она живёт своими лучшими слоями и силами, устремлёнными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра, обращение к Богу» (Ильин 2014: 20). Стоит отметить, что и впоследствии терминология Ильина, как и язык изложения, оставалась «философской», логически-выверенной, результатом кропотливого анализа и обобщения; как правило, мыслителю было свойственно вводить специальные термины, играть словами (например, обстояние, очевидность, предметность, чувствилище и др.). Во время второй научной поездки, оборвавшейся в связи с началом Первой мировой войны, Ильин посещает отца-основателя психоанализа З. Фрейда⁸, решив на себе испытать возможности данной методы. Уже в зрелые годы, в эмиграции, в письме к русскому композитору и давнему другу Н. К. Метнеру⁹ Иван Александрович напишет по поводу психоанализа и психоаналитиков в целом: «Вообще посмотрев вблизи на атмосферу цюрихских аналитиков, мы не раз вспомнили твоё вящее слово о том, что там “не без чертовщины”... При этом я постарался уяснить себе её природу, возникновение и опасности — и вынес немало поучительного. Чем скорее Э. К.¹⁰ забудет свои аналитические годы и чем менее будет позволять своим аналитикам ворожить над собой впредь — тем будет лучше. <...> Трюбы уже высвободились из этой атмосферы; счастливы те, кто совсем в неё никогда не попадали...»¹¹

События Первой мировой войны в некотором роде послужили катализатором уже начавшегося обращения философа к религиозной тематике. В статьях «Духовный смысл войны» (1915) и «Основное нравственное

⁸ Касательно психоаналитического подхода Фрейда можно сказать, что из всех видов подобных теорий он имеет некие общие черты с практикой исповеди в христианстве. Однако фундамент психоаналитической теории и христианства не сопоставим (подробнее см.: [Ларше 2021: 32–49]).

⁹ Николай Карлович Метнер (1879–1951) — русский композитор, пианист и педагог. В 1921 г. был вынужден эмигрировать из большевистской России. Подробнее см.: [Метнер Н.К. 2007: 342–343].

¹⁰ Эмиль Карлович Метнер — брат Николая Карловича Метнера. До эмиграции И. А. Ильин, выступавший в защиту Эмиля Карловича, чуть не подрался с Андреем Белым.

¹¹ Ильин И. А. Письмо от 07.10.1923 / Письма Ильина Николаю Карловичу Метнеру // НБ МГУ. ОРК 27. Ф. 47. Оп. 5. Л. 3–4.

противоречие войны» (1914) Ильин с опорой на христианство¹² пытается раскрыть верный подход к решению исторической проблемы международных конфликтов, имеющей корни в искажении нравственных основ общества. Впоследствии, расширив и дополнив статью «Основное нравственное противоречие войны», на которую изначально цензура наложила запрет, так как усмотрела в ней пацифистские толстовские мотивы, мыслитель напишет книгу «О сопротивлении злу силою» (1925), вызвавшую в среде эмигрантской интеллигенции массу противоречивых толков. Укажем только на то, что, несмотря на обвинения «богоискателей» (таких, как Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, В. В. Зеньковский, З. Гиппиус и др.) в том, что данный труд Ильина противоречит сущности христианства, на книгу были даны положительные рецензии иерархов РПЦЗ, таких как о. Антоний (Храповицкий), еп. Берлинский Тихон и о. Анастасий (Грибановский). С последним Ивана Александровича связывали долгие годы дружбы и философской переписки.

С лекциями, посвящёнными изложению основных постулатов упомянутой книги, Ильин будет осуществлять турне по странам, в которых на тот момент осели представители русского народа. В рамках одного из таких выступлений в Риге о. Иоанн (Поммер) (завершивший земную жизнь подвигом мученичества), будучи сам прекрасным оратором и отдавая должное таланту мыслителя, предлагал Ивану Александровичу принять священнический сан, чтобы тот мог осуществлять просветительскую деятельность на благо Церкви (Ильин 1999 «Письма. Мемуары (1939–1954)»). От данного предложения философ отказался. Но не стоит расценивать этот отказ как пренебрежительное отношение к служению Церкви как таковой; скорее этот жест можно рассмотреть как указание на то, что у каждого в этой земной жизни своё поле деятельности и свой путь; для Ильина это был путь учёного и философа. Чтобы проповедовать Истину, необязательно быть священником — это обязанность, которая возложена на каждого христианина, а священнический сан подразумевает совершенно иной тип жизни, иной тип ответственности, иные дары. О том, что любая деятельность человека может быть наполнена религиозным смыслом, Ильин размышлял в своей ранней статье

¹² При этом исследователям бросается в глаза отсутствие у Ивана Ильина непосредственно самих ссылок на те или иные положения христианской мысли. Специфической чертой текстов (особенно ранних) Ильина является безапелляционность, он крайне редко при изложении собственных мыслей даёт прямую ссылку на тот или иной труд, когда речь идёт о философии религии, лишь указывая на «древнее как мир учение».

«Философия как духовное делание» (1915): «Жизненное дело священнослужителя, художника и учёного есть труд, протекающий в непрестанном предстоянии высшему Предмету; их служение отличается от обычного жизненного дела именно призванностью, непосредственностью и непрерывностью, в которой они стоят пред лицом последнего и безусловного, пред лицом тех сфер, где кончается и отмирает всё “только человеческое” и где открывается подлинное духовное и божественное обстояние» (Ильин 2003: 11–12). А в более зрелые годы в черновых записях к книге «Путь к очевидности» отмечал: «...при верном понимании дела академия не только не враждебна религии, но напротив, она представляет собою одну из благороднейших форм религиозности и творчество истинного учёного есть тихое богослужение. “Понятие” Бога не является объясняющей “гипотезой” в составе науки; но Дух Божий есть истинная и определяющая основа всех академических трудов и достижений» (Ильин 2017: 167–168).

В письмах, воспоминаниях и работах зрелого Ивана Ильина мы не обнаружим порицания церковных институтов, отрицания таинств и обрядов, призывов к модернизации и трансформации сложившейся веками церковной практики. Наоборот, в эмиграции (документально подтверждено, что с 1934 г., а вероятно, и ранее) философ прибегает к Церкви и её спасительным таинствам¹³.

В церковных кругах Ильин последовательно тяготел к представителям РПЦЗ, поддерживал их критику советской власти, отвергал теорию митр. Елевферия «о богоустановленности советской власти», совместно с владыкой Анастасием (Грибановским) принимал участие в съезде 1937 г. Русского Трудового Христианского Движения, в подготовке различного рода документов, воззваний социально-политического характера. Вообще первые годы эмиграции философа сопровождалось активным участием в политических, а также религиозных собраниях, как правило, это были встречи протестантских, старообрядческих, православных общин, на которых он выступал с фрагментами своих будущих книг либо же с социально-политическими работами, написанными

¹³ Церковная жизнь Ивана Ильина является достаточно прикровенной (по всей видимости, он не имел привычки кому-либо об этом писать), и зачастую это используют как свидетельство против «православности» мыслителя. Доказательств, говорящих о её наличии, из ныне опубликованных материалов практически единицы. Но примером участия в церковном таинстве может служить указание Ильиным на исповедь у о. Иоанна (Шаховского), о. Сергея (Орлова). Подробнее см. труды Ильина («Дневник. Письма. Документы (1903–1938)» 1999; Ильин 2001).

специально к выступлению. Особенно частыми данные доклады стали после 1934 г., когда Ильин был уволен из Русского Научного Института в Берлине национал-социалистами и мог зарабатывать на хлеб только публичными выступлениями, получая гонорары от статей и книг. В издательстве организации «Русская братская помощь» в г. Лемго (Германия), созданной протестантским пастором К. Эвербеком, Ильин издал несколько брошюр на немецком языке: «Что говорит мученичество Церкви в Советской России Церквам остального мира» (1936), «Мученичество Церкви в России» (1937), «Христианство и большевизм» (1937), «Наступление на Восточную Церковь» (1937). Содержание данных брошюр ранее было раскрыто на собраниях евангелических пастырей. При этом к католикам и сотрудничеству с ними, их организациями философ относился достаточно настороженно.

Известно, что в 1938 г., когда Ильину всё же удалось эмигрировать в Швейцарию¹⁴, до него дошли вести о том, что гестапо подало на него в розыск, а на его брошюру «Наступление на Восточную Церковь» был наложен арест. По этому поводу мыслитель писал И. С. Шмелёву: «Потому что там начинается “трёхлетка противохристианства”. План: через три года ни в одном храме не должно быть больше христианского богослужения. Какое же? Сами выдумают. Да — это Вам не масонское “отделение церкви от государства”. Это называется иначе. И в ЭТОМ их существо. Антихристианский шовинизм, которому всё дозволено» (Ильин «Переписка двух Иванов (1935–1946)» 2000: 243–244).

Упомянем, что с самого начала свою ссылку за границу мыслитель воспринимал не как изгнание, а как возможность находиться в послании. Все мысли Ильина в первые годы вынужденной эмиграции были посвящены осмыслению вопроса о построении будущей своей Родины. Тогда многие русские патриоты считали, что большевистская власть не сможет долго просуществовать, и поэтому уже сейчас необходимо осмыслить образ будущей России, учитывающий ошибки прошлого.

¹⁴ В начале августа 1934 г. Ильин был уволен из Русского Научного Института, что осложняло финансовое положение семьи, и без того весьма печальное. Ещё в 1933 г. И. Ильину было запрещено участие в любой политической деятельности под страхом заключения в концлагерь. Попытки выехать из фашистской Германии обдумывались четой Ильиных ещё с 1934 г., о чём свидетельствует переписка с Н. К. Метнером за 1934 г. (хранится в архиве; на данный момент переписка готовится к публикации Ю. Т. Лисицей совместно с сотрудниками Российского научно-исследовательского института культурного наследия им. Д. С. Лихачёва в отдельном томе, продолжающем многотомное собрание сочинений И. А. Ильина). Непосредственно благодаря ходатайству Н. К. Метнера С. В. Рахманинов в нужный момент смог оказать финансовую помощь Ильиным в 1938 г., когда они и выехали в Швейцарию.

С первых лет в Берлине Ильин был тесно связан с Русским общевоинским союзом (РОВС), за ним основательно закрепились репутация внепартийного идеолога Белого движения.

Будущая Россия и православие были неразделимы в сознании философа. В «Проекте основного закона Российской империи», составленном Ильиным в 1928 г., одной из первых шла статья о религиозной свободе народов. По его мнению, уже сама «потребность в религии порождает потребность в духовной свободе». Но в то же время мыслитель отмечал, что первенствующая в Российском государстве «вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания», поэтому правитель России не может быть приверженцем никакой другой религии. По мнению Ильина, новое государство должно утверждаться на христианских и национальных началах. В работе «О России. Три речи» (1934) философ указывал: «Из глубины нашего Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что священное есть главное в жизни и что без священного жизнь становится унижением и пошлостью; а Пушкин и Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого, кажется, совсем не ведают другие языки и народы... Пусть не удаётся нам всегда и безошибочно отличить главное от неглавного и священное от несвященного; пусть низы нашего народа блуждают в предчувствующих суевериях, а верхи гоняются сослепу за пустыми и злыми химерами. Страдания, посланные нам историей, отрезвят, очистят и освободят нас... Но к самому естеству русской народной души принадлежит это взыскание Града. Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа; она всегда готова начать паломничество к далёкой и близкой святыне; она всегда ищет углубить и освятить свой быт; она всегда стремится религиозно приять и религиозно осмыслить мир... Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: — и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего, молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета; и в короновании Царя, и в борьбе за единство и свободу отчизны. Оно научило нас желанию быть святою Русью...» (Ильин 1996: 13–14). Концепция христианского национализма, которую развивал Иван Александрович в своих многочисленных политических брошюрах, достаточно целостно изложена в манифесте «Основы борьбы за национальную Россию» (1938).

Единственное, что обличалось философом в современном состоянии христианства, духовной культуры, — это потеря как клиром, так и мирянами той глубины религиозного опыта, которая и является сущностью духовной жизни. В понимании Ивана Ильина истинная философия, так же как и истинная религиозность, питается из одного источника, и этим источником, безусловно, является непосредственное, живое чувство Бога. Но как взрастить это чувство? Ответ на данный вопрос Иван Александрович находил в трудах святых отцов.

Ученица Ильина, В.Д. Пришвина-Лебедева, посещавшая занятия в московском Институте Слова, в котором преподавал мыслитель в период 1920–1922 гг., в воспоминаниях оставила следующее упоминание об одном из читавшихся философом курсов: «Вторым курсом, “Миро-созерцание и характер”, Ильин открывал нам выход из мрака — знакомил с анализом духовной жизни человека, вылившимся у подвижников древнего христианства в чёткую систему, называемую аскетикой» (Пришвина 2003: 155). Пришвина-Лебедева также упоминает, что в качестве одного из источников рекомендованной литературы Иван Александрович указывал на сборник «Добротолубие», а после известия о своей высылке из страны, накануне отъезда, рекомендовал студентам ехать в Сергиев Посад к богослову, профессору патристики, ныне чествуемому Церковью как новомученика, И. В. Попову для продолжения занятий и углубления полученных знаний. Ильину хорошо были знакомы труды и творческие начинания профессора Попова, к сожалению, в советское время не могущие быть востребованными. Спустя годы в предисловии к «Аксиомам религиозного опыта» философ писал: «Тот, кто умеет вчувствоваться в изучаемый им духовный акт другого человека, наверное, давно почувствовал, а может быть и постиг, что Дух веет и созерцает у Апостола Иоанна Богослова иначе, чем у Апостола Павла; <...>. И всё это непосредственно касается не догматов, не обрядов и не канонов, а религиозного опыта и его актового строения. При вере в Христа и обычном разногласии в учении <...> светочи православного христианства имеют религиозные акты особого строения; и было бы чрезвычайно поучительным заданием продолжить глубокомысленное начинание И.В. Попова¹⁵ и изобразить своеобразную пневматику каждого из них в отдельности» (Ильин 2002: 10).

¹⁵ В настоящее время наследие профессора и богослова И. В. Попова будет реконструироваться и издаваться группой исследователей богословского факультета ПСТГУ.

Курс «Мирозерцание и характер» Иван Александрович продолжал читать и в эмиграции в рамках преподавания в Религиозно-философской академии в Берлине. На своих занятиях он ставил перед студентами серьёзные вопросы, только по разрешению которых можно было бы приступить к первым шагам в духовной жизни: «Кто хочет действительно иметь достижение в религии или философии, в науке, или политике, или искусстве, или этике, обязанность его культивировать именно эту практику бытия, возвращать в себе этот (предметный. — А. В.) опыт, владеть им и строить себя им, ибо кто им владеет и кто себя строит, тот приобретает особую жизненную реальность, особые жизненные обязанности. <...> Где душа систематически одержана предметом, его познанием, потому что научное изучение есть, прежде всего, систематический порядок предметной одержимости... Это относится и к художнику, и это относится и к религиозному аскету. Это относится к великому учению, которое строит внутренний опыт, отвлекаясь во вне от периферии, окружающей действительности, и уходит в колодезь, в шахту своего опытного и предметного созерцания. Знания, конечно, этого не исчерпать, но в этом его почва, в этом его основа»¹⁶.

Ещё в 1918 г. Иван Александрович защитил свою двухтомную диссертацию под названием «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», за которую ему была присуждена сразу докторская степень, а также благодаря которой за ним на долгие годы (а среди некоторых исследователей и поныне) закрепилось звание «гегельянца». Закоренелым гегельянцем философ не был, а его основательный труд скорее представлял историко-философскую работу, целью которой являлось воспроизвести в целостности учение знаменитого немецкого идеалиста¹⁷. Но стоит отдать должное влиянию Гегеля на русского философа. Вдохновлённый «Феноменологией Духа», он встал на путь поиска наиболее подходящего метода для философии как науки, занялся проблемой определения её предметного поля. В день защиты перед диспутом И. А. Ильиным была прочитана речь «Философия и жизнь», в которой он дал некоторое разъяснение роли и предмета философии: «...сама история философии есть живое доказательство того, что философия — не бред, не пустословие и не беспредметное блуждание; мало того, что философия

¹⁶ Ильин И. А. Мирозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара: 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 39.

¹⁷ Подробнее см.: (Вакулинская 2020).

есть наука о жизни. Ибо, в самом деле, философия есть систематическое познавательное раскрытие того, что составляет самую глубокую основу жизни. Сама жизнь в её истинном смысле и содержании составляет её источник и является её предметом, тогда как форма её, задание, приёмы, категории, итоги — всё это делает её наукой в строгом и подлинном значении. Философия рождается в жизни и от жизни, как её необходимое и зрелое проявление; не от быта и не от животного существования, но от жизни духа, от его страдания, жажды и созерцания. И, рождённая духом, ищущим знания, она восходит к его зрелой и совершенной форме — к сознательной мысли с её ясностью, систематичностью и доказательностью. Философствовать значит — воистину жить и мыслью освещать и преобразовать сущность подлинной жизни» (Ильин 2003: 31).

Именно осмысление наследия известного немецкого идеалиста помогло Ильину лучше понять, что, несмотря на расхождения между отдельными мыслителями, вошедшими в историю философии, можно найти некие общие черты, которые свойственны не только для философии как сферы рационального, но и для религии, искусства, права. То есть, как показывает история человечества и история философии в частности, Откровение может быть доступно всем ищущим Его, хотя и пути их поиска различны и могут проходить через разные сферы познания. Впоследствии русский мыслитель писал: «Образно выражаясь, можно было бы описать это так. Когда Божии творческие идеи ниспадают из Его вечного лона в хаос грешного и неустроенного мира, то их подхватывает бурный ток смятения, искажает их совершенство и растерзывает их дивный состав. Отсюда возникает высокое задание: узреть каждую из этих идей в её полном и целостном составе и восстановить её в её зрело-совершенном виде» (Ильин 2003: 31). При этом Гегель воспринимался Ильиным как один из мыслителей, который приблизился к истине, но уклонился от неё, неверно отразив её пути. В предисловии к немецкому изданию работы о Гегеле он писал: «Панлогизм рухнул, потому что оказывается несостоятельным гегелевский классический акт мысли. <...> Гегель хотел обосновать панлогическую теодицею, а в действительности у него получилась трагическая поэма о мировом страдании героического Не-Бога» (Ильин 2002 «Философия Гегеля...»: 407–408). Метод Гегеля или же метод Гуссерля не были для Ивана Александровича гносеологическим эталоном. В рамках семинарских занятий по «Общему учению о праве» (1918) он отмечал: «...не так плохо — мыслимое бытие сущее бытие

(Гегель, Гуссерль, etc.); или в этом роде — воображённое бытие существу предмету, etc. Но так: предмет, как он есть на самом деле, может быть познан душою, стать её содержанием — через адекватное испытание, интуицию, мышление» (Ильин 2014: 435). В своём выступлении «Основные задачи правоведения в России» (1922) Иван Александрович открыто указывал на Сократа, которого иногда именуют «христианином до Христа», как на первого философа, применявшего данный метод вживания в предмет философского исследования (Ильин 2006: 217).

К сожалению, в архиве не сохранились конспекты семинария по «Методу философии», который вёл Ильин в 1921–1922 гг. в Научном институте¹⁸, но в воспоминаниях он указывал на то, что задачей, которую он непосредственно ставил перед собой, было продемонстрировать студентам, что философия — это не только сфера рассудка. Описывая свою аудиторию, он говорил: «Это были сплошь молодые, но уже закоренелые рассудочники-диалектики, воображавшие, что для философии достаточно кое-что прочесть и бойко о прочтённом рассуждать. Опыт духа, чувства, сердца — они просмотрели. Вложение в философский опыт всего человека казалось им неслыханной претензией; об ответственности этого делания им, по-видимому, никто не говорил; о нравственном и религиозном смысле философствования они сначала не хотели и думать» (Ильин «Собр. соч. <...> (1935–1946)» 1999: 377). Позже часть студентов¹⁹, посещавших семинары Ильина, образовала кружок «философии религии». В 1923 г. студенты напишут Ивану Александровичу письмо с просьбой порекомендовать им литературу, а также найти верный метод для её изучения.

Сократ, повествования о котором дошли до нас из трудов Платона, будучи великим мудрецом, говорил о себе: «Я знаю, что я ничего не знаю...» И поэтому смирение — одна из важнейших «добродетелей познания» в философской методологии И. А. Ильина. В работе «Путь к очевидности» мыслитель напишет: «Истинная религиозность начинается именно с “духовной нищеты”, т. е. со смиренного и искреннего “незнания”, с подлинного “алкания и жаждания правды”... Человек исповедует свою духовную скудость, и отсюда в нём зарождается плодотворное созерцание и вопрошание, сомнение и удостоверение, ответственность и внутренняя

¹⁸ Ныне отделение, на котором вёл занятия И. Ильин, это Институт Философии РАН.

¹⁹ Интересным фактом, подтверждённым недавно, является то, что отец нынешнего ректора ПСТГУ, протоиерея Владимира Воробьёва, был участником данного кружка.

честность, которые никогда не успокоятся на суеверии, на беспочвенной фантазии, на “соблазне” и “прелести”» (Ильин 2017: 127). А по учению святых отцов, отказавшись от своего ума, человек способен дать действовать благодати Святого Духа.

Другой такой гносеологической добродетелью является цельность духовного опыта. Не только рассудок, не только воображение или сердце, но совокупность всех познавательных сил способна дать человеку верное направление к истине. Ильин писал: «Человек должен снова возжелать подлинной реальности, субстанции всяческого бытия и всякой жизни. Тогда в нём оживёт и раскроется сердце; тогда он свободно и решительно отдастся сердечному созерцанию; на этом он вновь обретёт Бога, примирится со своей совестью и начнёт создавать новую культуру, — обретая новую веру во Христа, слагая новую науку, созидая новое искусство, формулируя новое право и водворяя новую, отнюдь не социалистическую, социальность...» (Там же: 6).

В 1920-е гг., когда философ уже неоднократно арестовывался большевистской властью, им было начато чтение курса под названием «Философия религии» (именно данное название носила работа «Аксиомы религиозного опыта» в самом черновом виде). Курс читался как в университете, так и в Московском Психологическом обществе. В связи с данным курсом в мемуарах Иван Александрович указывал на достаточно интересную весть, дошедшую до него из профессорских кругов в 1920–1921 гг., о том, что проф. М. В. Горев-Галкин²⁰ обращался к вождю пролетариата со следующей жалобой: «...Ильин читает студентам лекции о Боге!..» В свою очередь, В. И. Ленин предположил, что понятие «бог» употребляется Ильиным как философская категория. Однако сам Иван Александрович заключал это воспоминание следующими словами: «Комментарии излишни. Я читал действительно о Настоящем» (Ильин «Письма. Мемуары (1939–1954)» 1999: 372–373).

Заметим, что Ивану Александровичу претили любые попытки философов претендовать на создание авторского богословия. Он считал, что честный мыслитель не может выходить за рамки исследования своего Предмета, а цель философии — это всё-таки «предметное созерцание». Именно поэтому в его фундаментальном труде «Аксиомы религиозного опыта» мы так редко встречаем понятия, присущие теологическим

²⁰ Галкин Михаил Владимирович (литературный псевдоним: Горев; 1885–1948) — священник, духовный писатель, после революции (с 1918) отказался от сана и стал на путь атеистической пропаганды.

и богословским работам. Данная книга — это в первую очередь философский труд, написанный посредством анализа возможных религиозных состояний, ведущих или же лишь указывающих на путь истинного богопознания. В письме к давнему другу и корреспонденту И. С. Шмелёву от 1 апреля 1948 г. Иван Александрович указывает: «Моя философия религии делается. Пишу семнадцатую главу. Но это не о Боге, а о человеческом акте. Это не теология религиозного Предмета, а скромная педагогика религиозной души. Это белибердяевым удавалось подслушать, что говорил Бог, когда ничего не было; а я искони был беспомощный дверестучитель, не “тео-соф” (не люблю я их!), а “тео-мор” (от греч. морос — глупец). Вся моя философия в духе Сократа» (Ильин «Переписка двух Иванов (1947–1950)» 2000: 298–299). Впоследствии немецкий исследователь творчества И. А. Ильина напишет по поводу вышеупомянутой книги следующее: «Ценность и значение труда его жизни поэтому заключается не столько в систематичной научной выработке христианской философии, сколько в методологических руководствах к цельному, живому исполнению своего предназначения на Земле во всех основных его ипостасях» (Офферманс 1993: 16).

Важно отметить, что большой ошибкой, которую могут допустить читатели и исследователи творчества Ивана Ильина, является игнорирование авторских предисловий, послесловий и комментариев, в которых мыслитель даёт руководство к прочтению той или иной работы. В частности, в предисловии к «Аксиомам религиозного опыта» философ писал: «Прошло то наивное время, когда люди, нецельные в своём религиозном опыте и робеющие перед своей нецельностью, предпочитали “не касаться” “этих вопросов”, предвидя, что “слово”, как орудие “рассудка”, подорвёт и разрушит последние основы их религиозности. Действительно, слепое, праздное и безответственное слово, привыкшее служить отвлечённой и слепой рассудочной мысли, могло повредить нецельному и робкому религиозному опыту. Но это время изжито: все праздные и безответственные слова, которые накопил слепой рассудок в эпоху так называемого “просвещения”, т. е. сущего духовного помрачения, — давно произнесены, напечатаны и распространены по всей вселенной. То, что могло быть разрушено, — или уже рухнуло, или, наоборот, окрепло и утвердилось. Мы вступили в новую эпоху. Пришло время неробкой веры, духовной и самодеятельной религиозности, исходящей из сердца, строящейся сердечным созерцанием, утверждающей свою

удостоверенность и разумность, знающей свой путь, цельно-искренней, ведущей человека через смирение и трезвение к единению с Богом. Именно этой вере и такой вере и желает служить моё исследование» (Ильин 2002: 13).

То есть Ильин пытается дать разумное обоснование вере. При этом слово «разумность» не тождественно понятию «рассудочность». Здесь понятие «разум» понимается философом отнюдь не в традиции философского рационализма. Разумное познание — это познание, осуществляемое путём вовлечения всех возможных каналов восприятия (рассудок, сердце, созерцание, совесть, инстинкт), очищенное от субъективных, страстных привношений, объективное или же, используя слова самого философа, очевидностное, обстоящее так на самом деле. В святоотеческом предании, которым, как мы указали выше, вдохновлялся русский мыслитель, слово «разум» не столь часто употребляется в подобном контексте; наиболее предпочтительным является понятие «ум». Но, к примеру, в трудах святителя Феофана Затворника, которые мыслитель рекомендовал к прочтению своим родственникам (в частности, книгу «Путь ко спасению»)²¹, понятие «разум» встречается достаточно часто, и оно подразумевает дарованную человеку способность осознавать свою веру. В «Мыслях на каждый день года» свт. Феофан, отчасти обличая интеллигентские блуждания в области веры, писал: «Рассудочный анализ неприменим в области веры. Он может иметь место только в преддверии её. Как анатом всё тело разлагает до подробности, а жизни не видит, так и рассудок, сколько ни рассуждает, силы веры не постигает. Вера сама даёт созерцания, которые в целом представляют веру, всецело удовлетворяющую всем потребностям естества нашего, и обязуют сознание, совесть, сердце принять веру. Они и принимают и, приняв, не хотят уже отстать от неё. <...> Убеждение его основано на личном опыте, непосредственно. Так и верующий знает истинность веры непосредственно. Сама вера вселяет в нём непоколебимое убеждение, что она вера. Как же после того вера будет верою разумною? В том и разумность веры, чтоб непосредственно знать, что она вера. Рассудок только портит дело, охлаждая веру и ослабляя жизнь по вере; а главное, кичит (человека. — *Прим. ред.*) и отгоняет благодать Божию: зло в христианстве первой важности» (Феофан 2009: 350). В первом послании св. апостола Петра говорится о разуме как о рассудительности, необходимой в списке добродетелей христианина (Пет. 1:5).

²¹ Подробнее см.: (Лисица 1993: 24).

Как нам кажется, основываясь именно на данном подходе к познавательной способности человека, Ильин писал: «Человеческий ум должен найти путь к вере — не к суеверию, запугивающему нас, и не к пустоверии, проявляющему нашу глупость, — а к созерцательной вере, разумной и светлой, к вере “достаточного основания”. Человек должен победить в себе ложный стыд и не стыдиться своего сердца. Мысль должна примириться с творческим, предметным воображением и опять стать созерцающей, интуитивной и прозорливой. Аутистическая фантазия должна пройти через школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная и разнузданная воля должна подчинить себя сердцу и совести... Тогда рассудок научится взирать и видеть и станет разумом; а созерцающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Ибо сердечное созерцание, совестная воля и верующая мысль суть три великие силы нашего будущего, которые справятся со всеми проблемами, неразрешимыми как для бессердечной свободы, так и для противосердечного тоталитаризма. Для разрешения их нужен цельный, целостный, исцеленный человек, заповеданный нам Евангелием» (Ильин 2017: 82).

В заключение хотелось бы сказать, что в данной публикации мы преследовали цель дополнить уже существующие труды, посвящённые исследованию значимости православия для творчества Ивана Александровича Ильина. К сожалению, формат статьи не позволяет нам более подробно остановиться на таких значимых работах, как «Путь духовного обновления», «Поющее сердце» (которую философ именовал «подготовительной проповедью “на паперти”»), и иных книгах и брошюрах, написанных в период эмиграции. Однако мы постарались продемонстрировать эволюцию религиозно-философской мысли Ильина, обосновать его идейное «одинокчество» среди современников. Вдохновлённый философским идеализмом, будучи честным до конца исследователем, Иван Александрович в качестве дела своей жизни выбрал не только осмысление и обоснование будущих путей развития России, но и демонстрацию того, что огонёк веры присутствует в душе каждого человека, а верное его поддержание способно привести к Богу. Вдохновлённый изначально подходом к философии Гегеля и Гуссерля, Ильин не оставался полностью в его рамках. Методологическим решением философа стало обращение к святоотеческой традиции православия, понимание цельности человека в богообщении.

Сведения об авторе:

Вакулинская Александра Ивановна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного института культуры, 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7, e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вакулинская А. И. «Гегельянство» Ивана Ильина. Анализ философского метода на примере московского периода творчества // Вопросы философии. — 2020. — № 9. — С. 139–149.

Герцык Е. К. Воспоминания. — М. : Моск. рабочий, 1996. — 404 с.

Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта : исследование. — М. : Русская книга, 2002. — Т. 1. — 608 с.

Ильин И. А. Переписка двух Иванов (1927–1934). — М. : Русская книга, 2000. — 560 с.

Ильин И. А. Переписка двух Иванов (1935–1946). — М. : Русская книга, 2000. — 576 с.

Ильин И. А. Переписка двух Иванов (1947–1950). — М. : Русская книга, 2000. — 528 с.

Ильин И. А. Путь к очевидности. — М. : ДАРЬ, 2017. — 352 с.

Ильин И. А. Религиозный смысл философии. — М. : АСТ, 2003. — 694 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Русская книга, 1996. — Т. 6. Кн. 2. — 672 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений : Дневник. Письма. Документы (1903–1938). — М. : Русская книга, 1999. — 608 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений : Письма. Мемуары (1939–1954). — М. : Русская книга, 1999. — 512 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений : Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). — М. : Русская книга, 2001. — 560 с.

Ильин И. А. Справедливость или равенство? : публицистика 1918–1947 гг. — М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. — 574 с.

Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. — М. : Русская книга, 2002. — Т. 1. — 448 с.

Ильин И. А. Философия как духовное делание: [курс лекций]. — М. : Изд-во ПСТГУ : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2013. — 714 с.

Ларше Ж.-К. Духовное бессознательное: Православная концепция бессознательного и её применение в лечении психических и духовных недугов. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2021. — 302 с.

Леман Г. А. Воспоминания Г. А. Лемана / публ. Е. Ивановой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. — М. : Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова; Российский фонд культуры: Российский архив, 2010. — Вып. 19. — С. 601–660.

Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин (историко-биографический очерк) // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. — М. : Русская книга, 1993. — Т. 1. — С. 5–36.

Маслин М. А., Вакулинская А. И. Молодой И. А. Ильин о Фрейте и не только (переписка с Ю. Л. Вейсберга) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20. — № 2. — С. 135–145.

Метнер Н. К. // Московская консерватория от истоков до наших дней, 1866–2006: биогр. энцикл. словарь. — М. : Московская гос. консерватория, 2007. — С. 342–343.

Офферманс В. Человек, обрети значительность! Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина — обновление духовных основ человечества // Московский журнал. — 1993. — № 7. — С. 16–21.

Полторацкий Н. П. И. А. Ильин и Православие // Кто мы? ; О революции. О религиозном кризисе наших дней / И. А. Ильин. — М. : Русская книга, 2001. — С. 258–311.

Пришвина В. Д. Невидимый град. — М. : Молодая гвардия, 2003. — 528 с.

Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем : Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. — М. : Зерцало-М, 2012. — 181 с.

Феофан Затворник, свт. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия : краткие поучения. — М. : Правило веры, 2009. — 398 с.

Чертков С. В. В. П. Свенцицкий, его последователи и эпигоны (И. А. Ильин, Д. С. Мережковский, Н. Бердяев) // Философия и культура. — 2010. — № 5(29). — С. 102–114.

Offermanns W. Mench, werke wesentlich! Das Lebenswerk des russischen religiösen Denkers Ivan Iljin für Erneuerung der geistigen Grundlagen der Menschheit. — Erlangen, 1979. — 305 p.

Rational Faith and Believing Reason. Orthodoxy and the Works by Ivan Ilyin

A. I. Vakulinskaya

MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. This article considers Ivan Ilyin's approach to the philosophy of religion, Orthodoxy and the Church from the viewpoint of his creative biography. The addition of new materials from the notionalist's archive, such as memoirs and letters concerning religious issues and the use of the patristic tradition in the philosophical concept of the thinker, give this review an element of novelty. The novelty of the study is also strengthened by the author's focus on the question of how the philosopher understood the role and significance of Orthodoxy. The main milestones of the philosopher's biography are considered from the viewpoint of his works revealing the evolution of his thought. This article highlights the reasons for Ilyin's separation from the representatives of the new religious consciousness. Special attention is paid to the philosopher's connection with representatives of the Russian Orthodox Church Outside Russia as well as his participation in Christian circles and meetings. The emphasis is also laid on the connection between the social and political views of the notionalist regarding the future of Russia and Orthodoxy and its importance for the building a healthy statehood. The philosopher's method and the role of the reason in the process of the knowledge of God are revealed on the example of the philosophy of religion. The Orthodox doctrine had asserted a significant influence on the philosopher's thinking. Although it is widely accepted that Ivan Ilyin had not yet been a believer during the Moscow period

of his creative activity, and instead approached the worldview issues exclusively from the standpoint of the pure reason, facts can be demonstrated that suggest the opposite. Inspired by German philosophy, Ivan Ilyin still refused to base his philosophical method on the Hegelian approach to a man and God, and, in his search, turned instead to the legacy of the Apostolic Fathers through reflections on Socrates. According to the notionalist, the way to renew the spiritual culture from the state of deep crisis was to construct a correct religious experience based on humility and integrity of the knowledge.

Keywords: method, religious experience, ROCOR, Christianity, heart, mind.

For citation: Vakulinskaya A. I. (2021). Rational Faith and Believing Reason. Orthodoxy and the Works by Ivan Ilyin. *Orthodoxia*, (4), 212-237. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-212-237

About the author:

Aleksandra I. Vakulinskaya — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture, 7 Bibliotechnaya street, Khimki, Moscow region, Russia, 141406, e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com.

REFERENCES:

Chertkov, S. V. (2010). V. P. Svetsitskii, ego posledovateli i epigony (I. A. Ilyin, D. S. Merezhkovsky, N. Berdyaev) [V. P. Svetsitsky, His Followers and Epigones (I. A. Ilyin, D. S. Merezhkovsky, N. Berdyaev)]. *Filosofiia i kul'tura*, 29(5), 102–114. [In Russian].

Feofan Zatvornik, st. (2009). *Mysli na kazhdyi den' goda po tserkovnym chteniiam iz slova Bozhiia: kratkie poucheniia* [Thoughts for Each Day of the Year According to the Church Readings from the Word of God: Brief Teachings]. Moscow: Pravilo very. [In Russian].

Gertsyk, E. K. (1996). *Vospominaniia* [Memories]. Moscow: Mosk. rabochii. [In Russian].

Ilyin, I. A. (1996). *Collected Works in 10 volumes* (Vol. 6, book 2). Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (1999). *Sobranie sochinenii: Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903–1938)* [Collected Works: Diary. Letters. Documents (1903–1938)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (1999). *Sobranie sochinenii: Pis'ma. Memuary (1939–1954)* [Collected Works: Letters. Memoirs (1939–1954)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2000). *Perepiska dvukh Ivanov (1927–1934)* [Correspondence of Two Ivans (1927–1934)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2000). *Perepiska dvukh Ivanov (1935–1946)* [Correspondence of two Ivans (1935–1946)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2000). *Perepiska dvukh Ivanov (1947–1950)* [Correspondence of two Ivanovs (1947–1950)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2001). *Sobranie sochinenii: Stat'i. Leksii. Vystupleniia. Retsenzii (1906–1954)* [Collected Works: Articles. Lectures. Performances. Reviews (1906–1954)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2002). *Aksiomy religioznogo opyta: issledovanie* [Axioms of Religious Experience: A Study] (Vol 1). Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2002). *Filosofiia Gegelia kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Particularity of God and Man] (Vol. 1). Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2003). *Religiozni smysl filosofii* [Religious Meaning of Philosophy]. Moscow: AST. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2006). *Spravedlivost' ili ravenstvo?: publitsistika 1918–1947 gg.* [Justice or Equality?: Journalism of 1918–1947]. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi un-t. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2013). *Filosofiia kak dukhovnoe delanie: (kurs leksii)* [Philosophy as a Spiritual Work: (Course of Lectures)]. Moscow: Izd-vo PSTGU: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi un-t. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2017). *Put' k ochevidnosti* [Way to Evidence]. Moscow: DAR. [In Russian].

Larchet, J.-C. (2021). *Dukhovnoe bessoznatel'noe: Pravoslavnaia kontsepsiia bessoznatel'nogo i ee primenenie v lechenii psikhicheskikh i dukhovnykh nedugov* [The Spiritual Unconscious: The Orthodox Concept of the Unconscious and Its Application in the Treatment of Mental and Spiritual Ailments]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja. [In Russian].

Leman, G. A. (2010). Vospominaniia G. A. Lemana [Memoirs of G. A. Leman]. In *Rossiiskii arkhiv. Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian Archive. History of the Fatherland in Evidence and Documents of the 18th–20th Centuries: Almanac] (Vol. 19, pp. 601–660). Moscow: Studiia “TRITE” N. Mikhalkova; Rossiiskii fond kul'tury; Rossiiskii arkhiv. [In Russian].

Lisitsa, Iu. T. (1993). Ivan Aleksandrovich Ilyin (istoriko-biograficheskiy ocherk) [Ivan Alexandrovich Ilyin (Historical and Biographical Essay)]. In *I. A. Ilyin Collected Works in 10 volumes* (Vol. 1, pp. 5–36). Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Maslin, M. A., Vakulinskaya, A. I. (2019). Molodoi I. A. Ilyin o Freide i ne tol'ko (perepiska s Iu. L. Veisberg) [Young I. A. Ilyin About Freud and Not Only (Correspondence with Yu. L. Veisberg)]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 20(2), 135–145. [In Russian].

Metner N. K. (2007). In *Moskovskaia konservatoriia ot istokov do nashikh dnei, 1866–2006: biograficheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Moscow Conservatory from Its Origins to the Present Day, 1866–2006: A Biographical Encyclopedic Dictionary] (pp. 342–343). Moscow: Moskovskaia gos. konservatoriia. [In Russian].

Offermanns, W. (1979). *Mench, werke wesentlich! Das Lebenswerk des russischen religiösen Denkers Ivan Iljin für Erneuerung der geistigen Grundlagen der Menschheit*. Erlangen.

Offermans, V. (1993). Chelovek, obreti znachitel'nost'! Delo zhizni russkogo religioznogo filosafo Ivana Ilyina — obnovenie dukhovnykh osnov chelovechestva [Man, Acquire a Significance! The Life Work of the Russian Religious Philosopher Ivan Ilyin is the Renewal of the Spiritual Foundations of a Mankind]. *Moskovskoi zhurnal*, (7), 16–21. [In Russian].

Poltoratsky, N. P. (2001). I. A. Ilyin i Pravoslavie [I. A. Ilyin and Orthodoxy]. In *I. A. Ilyin Kto my? O revoliutsii. O religioznom krizise nashikh dnei* [Who are we? About the Revolution. About the Religious Crisis of Our Days] (pp. 258–311). Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Prishvina, V. D. (2003). *Nevidimi grad* [Invisible City]. Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Tomsinov, V. A. (2012). *Myslitel' s poiushchim serdtsem: Ivan Aleksandrovich Ilyin: russkii ideolog epokhi revoliutsii* [Thinker with a Singing Heart: Ivan Alexandrovich Ilyin: Russian Ideologist of the Era of Revolutions]. Moscow: Zertsalo-M. [In Russian].

Vakulinskaya, A. I. (2020). “Gegel'ianstvo” Ivana Ilyina. Analiz filosofskogo metoda na primere moskovskogo perioda tvorchestva [Ivan Ilyin's “Hegelianism”. Analysis of the Philosophical Method on the Example of the Moscow Period of Oeuvre]. *Voprosy filosofii*, (9), 139–149. [In Russian].